

DOI 10.35775/PSI.2024.106.6.002

УДК 32

И.В. МЕЛЬНИКОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», Россия, г. Омск
E-mail: hippo00@inbox.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕНЦИИ МЕТАМОДЕРНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ТЕОРИЯ VS ПРАКТИКА? (ЧАСТЬ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ И РЕФЛЕКСИЯ)

Проблема соотношения парадигм мышления и политических ценностей представляет неизбывный интерес для современных социальных и гуманитарных наук. Целью исследования является сопоставление декларируемого интеллектуалами и культуртрегерами метамодерна с актуализированным в политической практике. Метамодерн претендует на статус новой парадигмы мышления. Парадигмы зарождаются до воплощения в политическом дискурсе, однако актуальный политический процесс есть, по нашему мнению, высшее проявление, способ воплощения и объективации генеральных интенций той или иной культурной эпохи, поскольку является концентрацией, точкой наиболее полного осуществления идей. Полагаем, что критерий «актуализации в политической практике» выступает своеобразной проверкой на прочность того или иного интеллектуального тренда, в особенности претендующего на статус новой парадигмы. Метамодерн как интеллектуальный тренд, артикулированный впервые в 10-х годах XXI века, является недостаточно изученным феноменом, особенно в контексте исследования аксиологических основ современных политических процессов. Сфера социально-гуманитарного знания представляется специфичной по причине ценностно-мировоззренческой обусловленности в той или иной форме. По этой причине в своем исследовании обозначенной проблемы мы прибегаем к соразмерной методологии, соответствующей объекту и предмету политико-философской рефлексии: в русле аксиологического подхода мы используем метод феноменологической редукции, позволяющий описывать, а не механически препарировать (анализировать) явления, постепенно обнаруживая смыслы, эйдетические сущности политического опыта, находить корреляты в сознании и выражать его дискурсивно. Результатом исследования стали выводы, полученные в процессе сопоставления декларируемого в теории с актуализированным на практике, согласно которым, по нашим оценкам, статус метамодерна в качестве новой парадигмы, не может быть обнаружен.

Ключевые слова: парадигма мышления, модерн, постмодерн, метамодерн, политические ценности.

В пространстве современной политической теории и шире – в сфере политических коммуникаций: от непрофессиональных до экспертных мы встречаемся с такими концептами как «пост-политика» [15. С. 240], «пост-демократия» [12. С. 192], «пост-идеология» [23. С. 172; 18. С. 104; 5. С. 584], «пост-правда» [27]. При этом, в пространстве современных медиа довольно популярны в различных версиях концепты «пост-иронии» и «пост-правды». Все эти конструкты вошли в современный дискурс благодаря теоретикам постмодерна. Теоретики же метамодерна настаивают на так называемом перманентном балансировании, которое средствами языка не может быть выражено понятийно, а лишь при помощи оксюморонов. Вот что читаем у самих провозвестников метамодерна: «мы предлагаем прагматический романтизм, свободный от идеологических устоев. Таким образом, метамодернизм означает подвижное состояние между и за пределами: иронии и искренности, наивности и понимания, релятивизма и истинности, оптимизма и сомнения, в погоне за множеством несоизмеримых и ускользающих горизонтов. Мы должны идти вперед и колебаться!» [29]. Но метамодерн не предлагает «балансирующий синтез» по отношению к предшествующим парадигмам. Такая формулировка не вполне точна, по словам самих теоретиков метамодерна. Так, онтологически, метамодерн даже не балансирует, а «раскачивается» подобно маятнику между модерном и постмодерном.

Закономерно высказанному в теории, метамодерн в политике должен преломляться сквозь призму таких тенденций как политическое (мягкое, разумное) влияние, в противовес агрессивному насилию и силовым (неполитическим) методам управления; сотрудничество, кооперация субъектов политического процесса; горизонтальные связи должны вытеснить иерархические и вертикальные; политический процесс деидеологизируется; об абсолютизации власти в этих условиях не может быть и речи, поскольку власть десакрализируется и демифологизируется. В контексте мировой политики и международных отношений метамодерн эйдетически стремится к созданию необходимых условий возможности для «смерти» «больших идеологий» (метанарративов), тем самым способствуя многополярности в организации миропорядка и препятствуя возникновению ситуации «монополии на идеологию» тем или иным политическим субъектом. Так, все перечисленные признаки ориентируют на попытку конструирования альтернативной политической реальности. Подтверждается ли это политической практикой, или же приведенные выводы носят декларативный характер?

Результаты и рефлексия. Еще в 2010 году Вермюлен и ван ден Аккер словно предупреждали о том, что «...экосистема опасно нарушена, финансовая система становится неуправляемой, геополитическая структура начинает казаться настолько неустойчивой, насколько ранее она была несбалансированной» [29. С. 2], «а моментальное разделение на «мы» (т.н. Запад) и «они» (т.н. Ось Зла), широко распространенное ощущение срочной, очевидной «защиты западных ценностей», привычное использование и принятие рамки «даров демократии» для подготовки вторжения в Ирак, первоначально широкой поддержки войны

в Афганистане, и так далее, со всеми остановками.... Это не означает, что совсем не было критики подобных рефлексов, проблема в том, что лишь недавно эту критику начали повсеместно замечать, если не признавать» [29. С. 13]. Так, цифровизация, ухудшение экологической ситуации в мире, а также геополитические события 2000-х годов, подготовили почву для возникновения метамодернизма, по словам самих его провозвестников. Однако разделение мира на «апологетов свободы», и ее «врагов» в условиях современного военного конфликта России и Украины стало очевидным, а необходимость «защиты западных ценностей» только возросла, при этом архаичные бинарные оппозиции «мы-они», «друг-враг» вновь актуализировались. Поскольку ценностно-нормативный консенсус западной цивилизации, сформированный онтологией модерна и фундированный его же логикой в ситуации метамодерна не только не пошатнулся (чего следовало ожидать), но, напротив, окреп, несмотря на актуальные до недавнего времени постмодернистские опыты по деконструкции любых ценностных систем.

Подчеркнем, что системообразующим принципом современных западных политических теорий и концептов выступает стремление освободиться от «идеологических устоев», и прочих «догматических шор», что вполне созвучно сформулированным тезисам теоретиков парадигмы метамодерна. Но не то же ли самое предлагали теоретики постмодерна, начиная с 60-70-х годов XX века, а мир так и не достиг очищения от идеологических оков?

С одной стороны, в современном западном политико-рефлексивном пространстве циркулируют различные концепции, которые при поверхностном рассмотрении свидетельствуют как о диверсификации политических практик, так и о тенденции к отказу от идеологического детерминизма («постанархизм» [25], «технопопулизм» [19. С. 256]). Тем не менее, «постдемократическое» («постанархистское», «технопопулистское» – в различных авторских версиях) общество, сохраняя все институты демократии, но отказавшись (по крайней мере на уровне деклараций) от ценностей, провоцирует опасность того, что все эти институции становятся лишь оболочкой самих себя.

«Всевозможные современные и набирающие популярность минархистские (от идеи минимального до ультраминимального государства), постанархистские проекты (направленные на искоренение любых форм иерархизма и утверждение горизонтальных кооперативных форм управления), концепция партиципационизма [26] (с идеями «экономики участия» и «политики участия»), вовлекающего любого обывателя в политических процесс – суть либертарианские теории и практики, которые сегодня активно обсуждаются на всех уровнях западного общества, свидетельствующие о дебатах, опять же, внутри системы, однако имеющее основанием модернистскую онтологию. Так, модерн сегодня становится ультрамодерном вне условий возможности для системного опровержения или даже критики. Для массового потребителя формируется иллюзия плюрализма и самоуправления (не насилие, но влияние; вместо вертикали власти – горизонтальные формы управления; отсутствие идеологии и образа исключительности политика, так как сегодня «политиком может быть любой

обыватель»). При этом система управления в аспекте принятия политических решений устроена так, что критика ее извне становится невозможной, тем самым, обнаруживая на практике по-прежнему необходимость как иерархии и представительства, так и скрепляющей системы ценностей».

Если проанализировать основные формы современной политико-философской рефлексии и соразмерных идеологических дискурсов, то мы можем увидеть, что все они имеют свой общий знаменатель, выступая составляющими единой ценностно-смысловой матрицы, а перекрестная критика и дискуссия носит также локальный и компромиссный, но отнюдь не парадигмальный и конфликтный характер [10. С. 592]. Таким общим знаменателем, по нашему мнению, является парадигма либерализма, выступающая в качестве концентрированного выражения «духа современности». Поскольку аксиология либерализма, несмотря ни на что, до сих пор является тем направлением, которое дает название всему сложному многомерному обществу, всей противоречивой многовекторной эпохе, продолжая выражать ее «Zeitgeist». Основная ставка культуртрегеров современности на плюрализм в условиях парадигмального консенсуса выступает в форме либерального плюрализма не содержит и не может содержать в своих рамках альтернативу и контридеологию (очень мощная политическая энергия такой философии состоит именно в том, чтобы делать их немислимыми и невидимыми – с установками на нейтральность государства и автономию индивида). «Хитрость разума» в нынешнюю эпоху проявляет себя в том, что культивирует «идеологию об отсутствии любой идеологии», однако, как известно, свято место пусто не бывает, и на практике декларируемый релятивизм и плюрализм, либо осциллирующее балансирование между экстремумами выступают в форме либерального плюрализма, мультикультуральности, политической корректности. «Не в том смысле, что они плохи сами по себе, а в том, что они могут монополизировать политико-идеологическое пространство, сильно потеснив (на обозримое будущее – разрушив в практическом отношении) контридеологии, альтернативные стратегии развития. Их оттеснение и разрушение означает (очередной – ведь все это бывало в истории!) «конец истории», то есть ее превращение в эволюцию с «ручным» будущим как экстраполяцией настоящего. Возможно, периодически тревожимым актами террора и военной угрозы как единственно оставшимися способами явления Иного» [9]. По меткому выражению Б. Пареха, либерализм превратился сегодня в своего рода «идеологический эсперанто», а лексика сторонников либерализма трансформировалась в метаязык, «который обрел привилегированное положение: будучи в употреблении наравне с другими вариантами политико-философской терминологии, он стал критерием правильной оценки понятий; иначе говоря, сегодня он выступает одновременно и как валюта, и как мера стоимости остальных валют» [14. С. 815]. Как отмечает Б. Парех, «либерализм стал доминантным голосом сегодня не только в том смысле, что он относительно подчинил себе консервативные, марксистские, религиозные и другие голоса и что большинство политических философов имеют либеральные убеждения, но, что более важно,

либерализм достиг беспрецедентной философской гегемонии. Либеральные идеи обрели беспрецедентное влияние в философии. Они стали сегодня практически абсолютным критерием моральных и политических оценок. Все общества подразделяются на либеральные и нелиберальные, причем последние рассматриваются в качестве враждебно-оппозиционных либерализму. Не удивительно поэтому, что все теоретики стремятся выглядеть либералами и пытаются облечь в либеральные формы даже радикальный отход от либерализма» [14. С. 815].

Таким образом, эпоха «метанарративов», понятых как политические проекты с претензией на универсальность, завершилась, однако оставила в наследство свои смыслы, которые до сих пор комбинируются и реинтерпретируются нарративами локального характера на матричной основе либеральной системы ценностей, опосредованно свидетельствуя о модерне со всеми присущими ему атрибутами как «незавершенном проекте» [16. С. 40-52], содержание которого отнюдь не исчерпано. Так, проект модерна создал то, что принципиально не может быть подвергнуто деконструкции.

«Локальные ценностные нарративы и политические практики, основанные на делиберативном дискурсе и перманентном обсуждении, продолжают развиваться, но при этом не только сохраняет, но и усиливает свою устойчивость базовая ценностная матрица – идейно-политический метанарратив, заданный и сформированный еще в эпоху модерна, тот самый ценностно-нормативный консенсус на основе либерал-капиталистической парадигмы. Поэтому как бы ни диверсифицировался политический процесс на локальном уровне, на уровне глобальном действуют самые устойчивые вертикальные связи. Мирового политического порядка с рельефно выраженным центром принятия решений пока никто не отменял: в этом сила и устойчивость либеральной онтологии, которую не способны разрушить никакие интеллектуальные эксперименты по «деконструкции» (постмодерн) и «балансированию между» (метамодерн)».

Основоположниками и популяризаторами метамодерна декларируется радикально новая теория с сопутствующими политическими практиками, которая при феноменологическом исследовании оборачивается старой доброй постмодернистской игрой с соразмерными методами, мимикрирующей под аутентичную реальность. «Сегодняшний, метамодернистский дискурс также признает, что предназначение истории невозможно осуществить, потому что оно не существует. Тем не менее, он подходит к этому с позиции, как если бы предназначение истории могло существовать. Вдохновленный модернистским простодушием, но при этом просвещенный скептицизмом постмодерна, метамодернистский дискурс сознательно ввергает себя невозможной возможности» [29. С. 5]. Однако если осуществить феноменологическую редукцию политических ценностей западного мира, «направленную на выявление их внутренней онтологии, их общего знаменателя и экзистенциального стержня, то окажется верным тезис Хабермаса о том, что европейский модерн не завершился, более того, сегодня европейский модерн с его проективной логикой рационализации

действительности (десакрализации, модернизации, автономизации индивида, либерализации и демократизации) сегодня торжествует как проект, но в новых более утрированных, радикализованных формах, мимикрирующих под независимые в идейном отношении дискурсы и политические практики, создающих беспрецедентную иллюзию того, что сегодня политическая теория является собой массовый, а не элитистский проект».

Посему полагаем, что взыскивающие «новой», но собственной «твердости» в аспекте искреннего самопозиционирования в политическом пространстве, так и не смогут ее обрести, поскольку в условиях прочного, цементированного либеральной парадигмой ценностно-смыслового консенсуса не могут быть уравнены в правах приверженец «новой этики», «религиозный активист», «наукообразный реалист», «глобалист» и «фундаменталист», как бы это оптимистично ни живописали представители новой парадигмы метамодерна.

Если обратиться к современной реальной политике: мировым событиям и политическим процессам, то мы сегодня стали не просто свидетелями, но и непосредственно оказались вовлеченными в процесс настолько тревожный, что все происходящее вынуждает предположить: метамодерна в качестве парадигмы, фундированной новой онтологией просто не существует, а метамодернизм оборачивается продуктом, созданным новым поколением западных интеллектуалов, судя по всему, исключительно для внутреннего пользования.

Реальные политические процессы, происходящие у нас на глазах, буквально разбивают вдребезги тезисы как неоклассиков метамодерна, так и их интерпретаторов-популяризаторов, создающих свои версии метамодернизма. Приведем несколько характерных примеров. Так, весьма симптоматичны и одновременно прекраснодоушно наивны восторженные откровения в духе Михаила Кормина [11]. Этот автор осциллирует между практически религиозной надеждой на освобождение, возлагаемой на ситуацию метамодерна, называя этот проект Новым Ренессансом, Революцией Духа, Страшным Судом, с одной стороны, и фиксируя эфемерную структуру, невыясненную внутреннюю природу метамодерна, его ускользающую, и от этого еще более притягательную метафизику, с другой стороны. Ускользающий Грааль или Революция Духа? И то, и другое одновременно: в лучших традициях «колебания между». Антон Заньковский, писатель и интеллектуал с его известным «поворотом к нечеловеческому» [7], последнюю статью по проблематике метамодерна опубликовал в середине февраля 2022 года [7], а буквально «завтра была война», больше на эту тему Заньковский не писал ничего.

Так, спектр голосов сторонников метамодерна как нового проекта звучал до недавнего времени следующим образом: Люк Тернер, призывал освободиться от инертности, вызванной веком «идеологической наивности модернизма и циничного лицемерия постмодернизма»; Антон Заньковский утверждался в экапофесе «на пути к нечеловеческому»; Михаил Кормин трактовал «метамодерн как ускользающий Грааль», однако возлагал надежды на освобождение, ожидая «Революцию Духа»; Ханзи Фрейнахт в контексте своего «метамодернистского

руководства к политике» [20] указывал на «слушающее общество», пронизанное «новой искренностью» как на новую ценность. В аксиологии Фрейнахта глобальное общество основано на солидарности и заботится о благосостоянии всех. Эти и подобные ожидания рассыпались вдребезги, столкнувшись с реальными политическими процессами, происходящими сегодня. Действительно, цивилизованный мир в лице своих мыслящих субъектов, плывших в фарватере «новой искренности», безусловно осциллируя, находился в ожидании нового поворота, но дождался войны.

Так, слушающее и дискутирующее современное цивилизованное общество, максимально терпимое и перманентно колеблющееся между всякого рода сциллами и харибдами, считающее анахронизмом крайние политические взгляды и оставляя лишь за оголтелыми радикалами возможность проявления агрессии и насилия, стремительно трансформировалось в новое милитаризированное общество с соответствующей риторикой, заявившее о себе в качестве такового еще в более ужасающих масштабах, чем когда бы то ни было в истории по причине колоссальных технологических возможностей политической элиты и околоэлитных групп нынешнего века.

В мире либерализма и глобализма давно говорят об «устойчивом развитии планеты», теоретики метамодернизма актуализировали экологическую повестку [7], однако на практике эти заявления оборачиваются отчуждением человека от природы и манипулированием ради корпоративных интересов, с учетом все возрастающей милитаризации экономик развитых стран, чреватую закономерно негативными последствиями для окружающей среды.

Эпидемии нетерпимости, кровавые войны по всему миру оказываются реальностью текущего и ближайшего будущего. Сеть локальных конфликтов, преобразующихся в масштабные мировые противостояния одновременно по нескольким линиям разлома, на нескольких фронтах синхронно. Военная сила вновь стала главным аргументом мировых центров принятия решений. Современный западный мир, пожалуй, беспрецедентно идеологически дренирован как, впрочем, и его оппоненты. Так, весь мир стремительно погружается в пространство «*nuovo medioevo*», о чем Умберто Эко предупреждал еще в 80-х годах прошлого века.

Не ставя задачу детального описания уже существующей в настоящем системы взаимоотношений современных сюзеренов и вассалов, характеризующую текущее состояние мировой экономики и политики, а также международных отношений в целом, подчеркнем: мир сегодня находится на грани глобальной катастрофы. И причиной тому является «упорное нежелание правящим классом рефлексировать подобный разрыв в проводимой политике, нежелание называть ошибки ошибками, подтасовывание фактов, неприятие критики, жесткое подавление дискуссии, стигматизация несогласных и опора на репрессивную функцию государства, в очередной раз привели не к более свободному и справедливому обществу, но к напряжению, к поляризации на ценностном уровне. И так как затронутые ценности интернациональные и общечеловеческие,

поляризация эта вышла за пределы западного общества и экстраполировалась буквально на весь мир» [1]. И эта проблема порождает без преувеличения экзистенциальную угрозу для всего мира, и отнюдь не является результатом деятельности теоретиков многополярного мира, который, согласно опасениям глобалистов, и вторящим им теоретикам «новой парадигмы» метамодерна провоцирует изоляционистские проекты, «цель которых – война на уничтожение» [7]. Нет, так называемый изоляционизм реактивен по отношению к агрессивному и все унифицирующему, по сути, модернистскому, глобальному колониальному проекту, идеологически однозначному, прямому и бескомпромиссному, а не осциллирующему между экстремумами. «Виртуальная среда стала источником создания фейковых реальностей и новостей, активно подчиняя слабые сознания и агрессивно влияя даже на сильные личности, глокализация распалась, повинувшись подъему железных занавесов, в политику глобального Запада вернулись авторитаризм, насилие, властные жесткие вертикали и навязывание идеологий и схем. Большая западная политика стала развиваться в жестких бело-черных рамках: или как мы, или ни как. Более того, на практике оказалось, что все международные неполитические организации сильно политизированы, и также стали выражением бело-черной политики глобального Запада. Таким образом, можно сказать, что в этом году (2022-примечание наше – И.М.) философия метамодерна потерпела полное поражение ввиду того, что использовалась как ширма для «мягкого политического влияния» и «несилового приручения» развивающихся стран, своеобразной «игры в идеалы». Реальная западная политика в ее рамки не укладывалась» [2].

Заключение. В политическом преломлении мы видим торжество модерна, возможно даже, в более агрессивных формах чем, когда бы то ни было, поскольку человечество оказалось на пороге масштабной катастрофы, к которой привел экспансивный и агрессивный, поглощающий, унифицирующий модерн, выступающий ныне в своих радикализованных формах. Так, западный модерн продолжает не только само сохраняться в современном мире, являя собой отнюдь не уникальный, без претензий на глобальную гегемонию проект, но переживает свой триумф, воистину торжествуя, утверждая единые, недискутируемые, безапелляционные политические ценности нового колониализма в его старой либерал-капиталистической версии. Так как одним из столпов проекта модерна является отрицание политической субъектности незападных цивилизаций, культур и систем ценностей, а также прогрессистский, линейный подход к интерпретации развития.

Модерн по-прежнему является каркасом и фундаментом, «стержневой эпохой» западной истории и фундаментальной парадигмой западной цивилизации. «Альтермодерна» как новой онтологии пока что не сформировалось, а метамодерн на подобную альтернативу претендовать не способен. Так, метамодерну в этой связи остается отвести лишь место для пребывания «в мире идей» в качестве абстрактного продукта проекта интеллектуалов, не выдержавшего проверки политической практикой.

Не представляется возможным фиксировать «состояние метамодерна» в качестве начала новой эпохи, поскольку сам термин, по словам его создателей, обозначает контуры структуры ощущений [29. С. 2], являясь на данный момент времени, скорее набором интенций, а не полноценной парадигмой, ускользающим от понятийной фиксации явлением, неструктурированным концептом без внятной и себе тождественной онтологии, оставаясь скорее очередным термином с префиксом, нежели схватывающим понятийно принципиально новую реальность. Если редуцировать контуры искомой новой онтологии, обратившись к семантическому анализу, то увидим, что нахождение в пространстве префиксов («нео-», «пост-», «пост-пост-», «мета-») уже довольно длительный для стремительно сжимающейся и ускоряющейся современности период времени, опосредованно может свидетельствовать лишь о возможной зарождающейся стадии перехода, который никак не осуществится в реальности, – перехода к потенциально новым ценностям и смыслам. Все обозначенные факты и факторы свидетельствуют о том, что метамодерн, наряду с постмодерном, является лишь очередным наименованием кризиса эпохи модерна. Не исключено, что переход к принципиально новой немодернистской парадигме, возможен только через глобальную катастрофу, создание необходимых и достаточных условий для которой мы наблюдаем сегодня в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Асиков И.** От пост- к мета-. Что такое метамодернизм? 09.02.2024 // <https://telegra.ph/Ot-post--k-meta--CHto-takoe-metamodernizm-02-09>.
2. **Баканова М.** ШОС – 2022, как синдром отмены метамодерна. 20.08.2022 // <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/shos-2022-kak-sindrom-otmeny-metamoderna/>.
3. **Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. Том 1.
4. **Гулыга А.В.** Гегель. Серия Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1970.
5. **Жижек С.** Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014.
6. **Заньковский А.** Время твердых медуз: меатмодерн, который мы заслужили // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 21.03.2021 // <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/>.
7. **Заньковский А.** Ситуация метамодерна в контексте поворота к нечеловеческому // Журнал о метамодернизме. 15.02.2022 // <https://metamodernizm.ru/metamodern-situation/Metamodern>.
8. **Зорькин В.** Право метамодерна: постановка проблемы. 18.05.2019 // https://ruskline.ru/opp/2019/maj/18/pravo_metamoderna_postanovka_problemy/

9. **Капустин Б.Г.** Выступление. Стенограмма заседания клуба «Свободное слово» // <http://zinoviev.info/wps/archives/7198>.
10. **Кимлика У.** Современная политическая философия. Введение. М., 2010.
11. **Кормин М.** Summa metamodernica: или как я понял матемодерн, и что я сделал с ним потом // Антикризисный медиацентр зеленого креста. 11.08.2019 // <https://acmc.info/analytics/summa-metamodernica-ili-kak-ya-ponyal-metamodern/>.
12. **Крауч К.** Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
13. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / пер. с фр. Шматко Н.А. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998.
14. **Парех Б.** Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления / Ин-т «Открытое общество» / под ред. Р. Гудина, Клингеманна Х.-Д., Науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999.
15. **Рансьер Ж.** На краю политического / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006.
16. **Хабермас Ю.** Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
17. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
18. **Хомский Н.** Государство будущего. М., 2012.
19. **Bickerton Christopher J., Accetti Carlo Invernizzi.** Technopopulism: The New Logic of Democratic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2021.
20. **Freinacht Hanzi.** The Listening Society. A Metamodern Guide to Politics. Book One. 2017 // https://integralreview.org/issues/vol_16_no_2_fein_review_of_freinacht_the_listening_society.pdf.
21. **Furlani A.** Postmodern and After: Guy Davenport // Contemporary Literature. University of Wisconsin Press, Winter. 2002. Vol. 43. № 4.
22. **Gans E.** The Post-Millennial Age // Antropoetics. 03.06.2000. № 209.
23. **Graeber D.** Fragments of an Anarhist Antropology. Prickly Paradigm Press, 2004.
24. **Kirby A.** The Death of Postmodernism And Beyond // Philosophy Now. November-December. 2006. № 58.
25. **Newman S.** The Politics of Postanarchism. 15.08.2010 // <https://theanarchistlibrary.org/library/saul-newman-the-politics-of-postanarchism>.
26. **Shalom S.** A political system for a good society. 17.08.2021 // <https://participatoryeconomy.org/a-political-system-for-a-good-society-stephen-shalom/>.
27. **Turner L.** The Metamodernist Manifesto. 02.03.2011 // <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto>.
28. **Vermeulen T., Akker van den R.** Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture, 2010. Vol. 2.

I.V. MELNIKOVA

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History, Sociology and Political
Science, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education «Omsk State University named
after F.M. Dostoevsky», Omsk, Russia
E-mail: hippo00@inbox.ru

PHILOSOPHICAL INTENTIONS OF METAMODERN AND MODERN POLITICAL VALUES: THEORY VS PRACTICE? (PART 2. RESULTS AND REFLECTION)

The problem of the relationship between paradigms of thinking and political values is of great interest to modern social and humanitarian sciences. The aim of the study is to compare the metamodern declared by intellectuals and cultural bearers with the one actualized in political practice. Metamodern claims the status of a new paradigm of thinking. Paradigms are born before their embodiment in political discourse, but the current political process is, in our opinion, the highest manifestation, a way of embodiment and objectification of the general intentions of a particular cultural era, since it is a concentration, a point of the most complete implementation of ideas. We believe that the criterion of «actualization in political practice» acts as a kind of test of the strength of a particular intellectual trend, especially one claiming the status of a new paradigm. Metamodernism as an intellectual trend, articulated for the first time in the 2010s, is an insufficiently studied phenomenon, especially in the context of studying the axiological foundations of modern political processes. The sphere of social and humanitarian knowledge seems specific due to value-based and ideological conditioning in one form or another. For this reason, in our study of the designated problem, we resort to a proportionate methodology corresponding to the object and subject of political and philosophical reflection: in line with the axiological approach, we use the method of phenomenological reduction, which allows us to describe, rather than mechanically dissect (analyze) phenomena, gradually discovering meanings, eidetic essences of political experience, finding a correlate in consciousness and expressing it discursively. The result of the study were the conclusions obtained in the process of comparing what is declared in theory with what is actualized in practice, according to which, in our opinion, the status of metamodernism as a new paradigm cannot be discovered.

Key words: paradigm of thinking, modernism, postmodernism, metamodernism, political values.